

Не надо мне коня в дороге.
Печаль несет меня в дороге.
Низами

Поэму «Кюйши» Ильяс Жансугуров написал в 1934 году. О чём она? Жизни, в грубой её сути, чуждо искусство, но и она порой к нему благоволит. Попавший в жизненную западню, опечаленный кюйши, взяв в руки домбру, силой своей музыки вырывается из лап смерти. Вырывается из пасти дракона...

Это было время недолгого затишья в казахской степи, когда стал забываться горький плач Бозинген¹. Но уже спустя три года поэма «Кулагер» стала свидетельством глубочайшего душевного страдания поэта, разрывавшего его сердце, комом подкатившего к горлу, не давая дышать, чтобы вырваться затем трагическим напевом. И этот трагический мотив – вопль, не напев, – о гибели гордого скакуна Кулагера выразил всю его бессильную тоску перед наступлением новых времен, обратившись в символ – реквием, в бессмертное Слово поэта.

Но в поэзии пророчество опасно. Оно имеет несчастье сбываться. Гордому поэту придется смириться, оказавшись в западне – в заключении.

Кто еще о том догадается, как не поэт, которому введена магия Слова. Рано повзрослевший, зная наизусть народные эпосы, поэтические дастаны, древнетюркские кисса – рассказы, вдохновенный поэт верил, что все легенды и сказанья, полные таких удивительных, убедительных слов, должны заканчиваться счастливо и светло. Но и позже, убедившись в обманчивости обещаний судьбы, он не потерял себя, не пал духом.

¹ Кюй «Бозинген» Сугура, рассказывающий о потере верблюдицей верблюжонка, – образ «распавшейся связи времен». Их воссоединение – это символическое воссоединение этой связи. Сугур был очевидцем Созакского восстания, жестоких репрессий, голода и казахского исхода.

Страшными бедствиями обрушилась на казахский народ новая эпоха. Вожди Алаша сполна испытали на себе её беспощадную силу. Дамоклов меч неизбежного террора навис над каждой судьбой. Поэтому реквиемом, скорбью неутешной души явилась на свет поэма «Кулагер» Ильяса. Горько причитая по убитому аргамаку, поэт обратил свой плач к целому поколению, ко всему цивилизованному миру.

Плач на Востоке, прежде всего – Поэзия. Плач – поминальная песня по ушедшему: «Твое тело примет Земля с горестной песней» (Абай). И только потом потекут неутешные слезы. «Кулагер» стал знаком предопределения, дав понять, что никому не избежать предназначенной судьбы. Загадкой остается душа поэта, не протестующая, не безумствующая, смиряющаяся, перепоручая скорбь свою кобызу:

В Матае есть старик Молькбай – виртуоз кобыза.

Среди казахов он один – повелитель кюя,

На выносливом иноходце ковыляющий по степи.

(«Кюй»)¹

В кобызе не только неизбывная печаль предков, это тоска по исчезающему духу ушедших времен. Закатилось солнце кочевой цивилизации. От шаманства осталась только этническая оболочка. Горестное признание Магжана: «Обняв кобыз, упокоюсь в могиле», означает, что у кобыза просит он посредничества для своих стихов. Потому что новое время для них – окровавленный капкан, во всей своей нелепости – беспощадное к безвинному и бессильному.

Читал стихи, целовал красавицу в Кокшетау,

В подколенной впадине виляет его Кулагер.

Ильяс в поэме рисует не только образы своих персонажей – Ахана-серя и его Кулагера, но и окружающую природу, претерпевающую печальные изменения, заставляющие «вылетать соловьёв из глаз всего этноса», принуждаемого к оседлости. Это выражение поневоле вспоминается при виде открывающейся перед глазами зеленой панорамы жайляу, его теплой летней привольности, благословенного некогда довольства людей, сейчас пребывающих в состоянии крайней встревоженности. Как и «виляние» – это вольное покачивание, придающее коню величавую поступь, сейчас означает скорее «болтание» от наступающей у всадника и его коня неуверенности.

«Вилять» по-казахски «булғақтау», «булғақ». Это слово тюркского происхождения со временем превратилось в русскую фамилию, вспомним писателя Булгакова. К слову, именитый писатель изначально был сильно увлечен разной чертовщиной. Говорят, «албасты душит того, кто дает ему повод». Обличая деспотизм своей эпохи в знаменитом романе, Булгаков не сумел обрести надежную точку опоры. К сожалению, он и сам не понял, каким образом, «вильнув», оказался в духовно-нравственном тупике, превратив сатану в Бога. Это только один пример того, что происходит с человеком, отшатнувшимся от своего рода, в данном случае, от своего происхождения из духовного сословия...

Получивший образование в Москве, Ильяс очень скоро осознал, что личностям благородного происхождения, если намеренно не «вильнуть», не споткнуться, – не избежать гонений и притеснений в новую эпоху. Он был обеспокоен судьбой образованной, благородной части своего народа, как и

¹ Здесь и далее подстрочник Алмата Жарылкасымова.

судьбой элитной скаковой породы лошадей. (Самое подходящее сравнение в иерархии национального самосознания!)

*Аргамак, тебя я уберег
Ради твоих ушей торчащих.
Азамат, тебя я уберег,
Пригодишься народу однажды.*

Поэту очень хотелось верить, что вновь восторжествует дух поэзии жырау с его погружением в бытование эпохи вольного кочевья. Он не стал, виляя, отрекаться от её традиции, твердо зная: если отрубят голову, всё равно язык не отрежут. Для него погибель была предпочтительнее положения безмолвного раба. Ну как тут не вилять, беспечно раскачиваясь в седле, обозревая степную безбрежность, когда широкая цветущая земля так и настраивает на вольную вольницу жизни. Разве сами они в детстве не были похожи на жеребят-сосунков, резвых трехлеток?!

*Растаял снег, появилась зелень, а деревья дремлют.
Шелковистое лето Сары-Арки, прохлада её земли.*

Ильяс не перестает в своих стихах воспевать красоту степных пейзажей во всех их только поэту видимых подробностях, в ошеломляющей притягательности смены времен года, не перестает тосковать по очарованию кочевого быта. Существует целый ряд конфиденциальных сведений, что Магжан и Ильяс, безгранично влюбившись в образ возвращенного Сары-Аркой баловня степи Ахан-серэ, чувствовали его близким по духу человеком.

Говорить о поэтической традиции – значит говорить об особой касте людей искусства, пользовавшейся безграничным авторитетом и уважением в народе. Сал – разносторонне одаренный человек, образ жизни которого во всем был подчинен ниспосланному Всевышним дару. Серэ – акын-импровизатор, музыкант, блистательный певец, артист. Словосочетание сал-серэ подобно грому и молнии, наступившему полнолунию, алмазно озаряющему самую беспросветную ночь. Сал и серэ – это продолжение в изменившемся времени древней традиции мироощущения жырау, кровным братством связывающего поколения.

Поэт, который, подобно Ильясу, отверг выпавший ему нигилистический век, не мог не тосковать по древнему естеству кочевого мироздания, находясь в постоянном поиске его благодатной основы, ловя отсветы его драгоценных проявлений в окружающем мире. Так Ахан-серэ, ушедший в мир иной полвека назад, оставался для Магжана и Ильяса духовно-нравственным мерилом. Ильяса, прекрасно понимавшего, что, по казахской пословице, «полвека – и другая страна», пугали невзрачность, посредственность, серость наступившей эпохи.

*Одного яйца в гнезде не признала птица-сокол,
Выбросила ли его для искупительной жертвы? –*

сокрушается прозорливец-поэт, прекрасно осознавая печальную судьбу творческих личностей в новом веке и пытаясь успокоить самого себя...

Ахан-серэ, бессмертный персонаж поэмы, подобно неведомой птице, убаюкан Ильясом в объятьях печали.

*Под сенью березы сидит немощный старик,
Над головою его висит побелевший череп.*

Белая береза, побелевший череп убиенного коня на ней метафорически проходят в поэме как единственное, что оставила Ахан-серэ из прошлой жизни жестокая судьба. Осталось дожидаться исполнения последних желаний: идеальной смерти и рождения легенды, что укроет несурзности жизни по-

добно белым-белому облачку. Это – поразительное явление трансцендентности – передачи потаенных смыслов сквозь толщу времени. И Магжан, и Ильяс подчинились его волшебству. Их заворожил прекраснейший образ совершенной жизни Ахан-серэ, перевоплощенной в его музыке, возбудив в их душах желание развеять сгущающиеся тучи печали вокруг его имени. Просветленность души поэта завораживает собеседника. Так судьба самого Ильяса заставляет его почитателей вновь и вновь от всего сердца сострадать ему всей душой. В художественном мире не найти другого такого опаленного эпохой страдальца. Сердце художника в момент воспламенения рождает афоризм, подобный мощному выражению Абая: «Сотворенный пламенем и огнем».

*Рукой придерживая благородную птицу,
Воспеваает любовь к красоте.*

И это видение Ахан-серэ становится одним из лейтмотивов поэмы Ильяса. Герой произведения поэта – поэт. Значит, автор чувствует своего героя как самого себя, выступающего из зеркала. Одно из понятий красоты – искренность, не бывает истинной красоты в оскверненном виде. Мир изначально предстал без сучка и задоринки, это мы его испортили. В строке:

Жигит, чистый, как гора, безупречный, как береза, –

Ильяс делится своим пониманием идеала. Если обратиться к скрытым смыслам, то в этой строке читается имя Акжигита (буквально: Акжигит – белолицый парень), заставляющее вспомнить тот знаменательный день, когда Ахан-серэ прочел азан по случаю наречения новорожденного именем, данным когда-то ему самому. Все казахи знали, каким гордым характером, звездной натурой обладал Ахан-серэ. Любопытно, что Магжан и Ильяс, хоть и были единомышленны, считая образцовой жизнь Ахан-серэ, их взгляды разительно расходились в оценке личности хана Абылая.

В своем очерке «Ахан-серэ» Магжан открыто написал о грубых посягательствах российских крестьян-переселенцев на земли казахов. Ильяс тоже связывает захват земель, ставший трагедией для казахов, с совпавшей с ним драматической гибелью резвого Кулагера. Не зря говорят в народе, что «джут приводит за собой семерых братьев» – массовый падеж скота влечет за собой многие бедствия. Так и от потери чистокровной скаковой лошади жди впоследствии новых бед.

*Разве не радость садиться на привязанного к дереву гнедого?
Разве не замечательно ездить на ухоженном?
Тоска по возлюбленной оставила от меня кожу да кости,
Как проеду я с песней мимо аула девушки?!*

Это из песни самого Ахана-серэ. Аульный быт всё больше наводит на его сердце тоску. Биржан-сал спел о своих любовных похождениях: «Я ласкал немало красавиц, прилегли рядом». И всё же в традиции сал-серэ сохранялось рыцарское, покровительственное отношение к возлюбленной, когда ради любви сметаются все преграды. В этом – его убедительное отличие от донжуанства. Бытование в казахской поэзии притягательного, без изъяна, образа красавиц, в которых был влюблен Ахан-серэ, объясняется искренностью чувств влюбленного, более всего дорожащего своей честью (не простив измену, влюбленный Ахан-серэ вонзил кортик в красавицу Актюкты, поранив её). Да, в этом непостоянство обманчивой жизни...

В обстоятельствах личной жизни Ахана-серэ скрыто осознание надвигающегося краха самой основы бытия кочевого степного народа. Но это последнее поколение, еще сохраняющее свою культуру под натиском над-

вигающихся перемен во всей её самобытности и красоте. Эта культура не тронута печатью тлена, чтобы исчезнуть без следа.

В своем философском труде «Ипокрена» Мурат Ауэзов подчеркивает: «Гибель Кулагера в поэме Ильяса – символ краха кочевой цивилизации». Лишаясь коня, казах теряет основу жизни, свою нерасторжимую связь с предками, свое достоинство, благородство, свою национальную идентичность. Оттого в поэме личная трагедия осознается как национальная трагедия – начало утери казахами вольности и празднества жизни. При этом идет разоблачение косности казахского патриархального быта. Среди собравшихся на поминки имущих представителей трех жузов нет ни одного, кого бы мы не могли лицезреть на страницах поэмы Гоголя «Мертвые души».

Повод – поминки. Собрались казахи в Сары-Арке,

Можно сказать: горы мяса, озёра – кумыса...

Показная щедрость, расточительство претит Ильясу. Его осуждение поминок усиливается в главе «Борец на скачках»:

Костоправ застонал, будто покалечился, –

Он тоже оказался сумасбродным гулякой.

Беднягу заботливо усадили на лошадь:

«Чья-то голень – в обмен на скот», –

досадует Ильяс. Досадой, гневом, желчью полны многие страницы поэмы.

В Сары-Арке появился мерзкий змей –

Свистящим голосом мулла читает Коран.

Известен указ молодого советского правительства об отделении религии от государства. А ведь большинство просвещенных казахов того времени получили начальное образование в медресе, искренне исповедовали веру. В подобных строках Ильяс насилует свое перо, загоняя себя в духовно-нравственный тупик. Терзается душа поэта, оказавшаяся в политических тисках. Загнанный постоянной угрозой репрессий, он похож на волка, Серого Лютого, что беспросветной ночью, глядя в бездонное небо, воеет в отчаянье.

Если бы перед глазами поэта мысленно не представала могила Коркыта, в смутный час уготованная творцам-интеллектуалам, духовным лидерам нации, если бы не догадывался он о происходящем, если бы не предвидел всей трагичности наступивших времен, если бы видел смысл в сопротивлении им, – то не написал бы полную горького стенания поэму-реквием.

Казахи часто поминают Кулагера.

Суть не в Ахане, суть в Кулагере.

Именно сохранение национальной идентичности, в которой культ коня занимает столь важное место, является идеей, родившей эту поэму.

Благородством возвеличен Кулагер.

Следуя давней тюркской традиции, казахи, давая кличку коню, украшают его перьями филина. Ильяс в своей поэме каждого пригнанного на поминки для участия в байге скакуна, превознося, наделяет кличкой, каждого делает отличным по масти, тем самым триумфально подтверждая, что всю её можно называть – «Превозношение коня». Когда речь идет о лошади, то не остановить нескончаемый поток вдохновенного славословия поэта: тут он и Абай, и Толыбай тоже он... ведь оба были блестящими знатоками лошадиных пород.

Курейбай, самый искушенный среди собравшихся на поминках ценителей, среди тысячи готовых к байге скакунов безошибочно узнает истинного тулпара:

*От него не убежит зверь спереди,
Его не догонит ни одна лошадь сзади.*

Но это не восхваление и не преклонение. Это приговор и проклятие, сглаз, в конце концов. Стрела рокового лука с точным прицелом свалила Кулагера. Посланное пулей лихое слово нашло свою цель. Почему этот казах, остерегавшийся слез умиления и соседского сглаза, вдруг стал восхищаться резвым жеребцом? Почему атбеги – мастер по выезде – не скрыл своего опасного предвиденья? Просто ли хвастовство или коварный умысел? Во всяком случае, возбудив нездоровый ажиотаж, Батыраш успокоился, решив таким образом судьбу тулпара.

Это высшая точка – кульминация в драматургии поэмы. Когда люди берутся судить о чем-то возвышенном, благородном, недостижимом для себя, тут в них и начинается противоборство зависти и почитания. «Не тревожь птицу в небе, зверя на земле». Слово стало убийцей благородного животного...

Лошадь всегда была опорой жизнедеятельности казаха. Всаднику, сидящему на аргамаке, окружающий мир видится более совершенным. И разве худо смотрится казах, который, украсив серебром седло-потник, гордо сидит на коне, уперев ногу в стремя?! Если он лишится коня, то тут уж и небо покажется с овчинку, и весь бескрайний окружающий мир станет тесным. Лошадь всегда была олицетворением личной независимости казаха, скрытым смыслом вольной жизни. Великая степная безграничность для неё всегда являлась естественным вечным простором обитания.

Песня – отражение души народа. В стародавние времена акыны без упоминания своего коня никогда, даже в легкой шуточной форме, не смели выказать обиду возлюбленной, и самое имя девушки не называли, не упомянув коня в своих песнях. Таков неписанный этический закон.

*Где конь, рысистый, как Акбакай,
Где юная сватья с улыбочивым глазом?*

Девушка и конь всегда предстают вместе, как мерило успешной жизни жигита. Достойный жигит никогда не поступится авторитетом, если подколенной чашечкой касается коня, а в мечтах его витает образ любимой. И смысл, и очарование непрестанно сверкающего мира – лошадь.

Реквием Ильяса по Кулагеру – это прощание со свободной эпохой, вольной жизнью, которая не вернется назад: «Головной платок ее равен пятистам иноходцам, агугай-ай-ай...»

Конь – душевный друг батыра: когда взяла его за горло неминуемая смерть, верный скакун оказался рядом. Несуразная действительность, убив Кулагера, оставила его на растерзание стервятникам (этот аргамак – крылья настоящего мужчины, вольный дух казаха, как истинного патриота, прошедшего все испытания судьбы Ильяса). Кто знает, может, в какой-то миг вспомнил Ильяс сказку, как развязался язык у скакуна Шалкуйрыка: «Батыр Тостик, теперь у нас одна душа на двоих. С любой неприятностью справимся вместе».

Конь издревле считался душой казаха. Матерый волк, распоров живот стельной кобылы, стиснул пастью жеребенка. А ведь из этого плода вырос бы настоящий тулпар – боевой конь! Жеребенка с золотым хвостом представляет себе в мечтах казах перед глазами. Жигит, преданно влюбившись в коня, если дают понравившегося скакуна – берет с рук дарящего, если отказываются дарить – забирает коня силой или угоном.

Эпос гласит: истинному батыру судьбой предназначен поименованный конь, ценнее которого нет ничего в подлунном мире. Отважный Ер Таргын и

воспитывает, и ухаживает за своим Тарланом, а конь Байшубар сам признает своим хозяином Алпамыса. Батыр Камбар одной души со своим Кара-каска. Они одно целое – батыр и конь под ним – закадычный друг, защитник.

Так было и с Кобланды. Поразительно, что его невеста Кортка узнала Тайбурыла до рождения: «Если отдашь хоть взамен меня, бери серую в светлых яблоках стельную кобылу. Из живота её рвется на белый свет твой верный спутник, мой султан», – изрекла она. Удивительно, что столь умоляюще-страстные слова не могут вырваться из уст иноземной красавицы. Но Кортка не отреклась от сказанного. Позже она прилежно ухаживала за Тайбурылом, растя из него могучего коня, достойного батыра, готового разделить с Кобланды все его подвиги, коня, ставшего чудесным явлением кочевой культуры, воспетого в эпосах, народных преданьях и легендах.

Ильяс Жансугуров, как поэт, понимал, что даже внешняя сторона гибели Кулагера – это не просто потеря скакуна Ахана-серэ. Тем более прекрасно сознавал он множественность причинно-следственных явлений, стоящих за проводимой царским правительством России политикой оседлости для кочевого народа, ужесточившейся при советизации. Именно этим фактом терзался безутешно поэт: «Кто не станет пешим под угрозой насилия».

Бедственный образ Жаяу Мусы – Пешего Мусы, поплатившегося конем за острое слово, и сочувственное выражение Мади «Тесная дыра, непреодолимый порог», подразумевающее тюрьму, – убедительно рисуют картину стреноженной пешеходности, безлошадности. Тут уж без спора ясно, что в конечном счете это приведет к бедствию безродности, превратит людей в безмолвную толпу.

А ведь если вспомнить древний тюркский эпос «Козы Корпеш – Баян Сулу», в нем описано до того много лошадей, что они не вмещаются в просторную степь: они заполнили центральное, южное, северное пространства Евразии, вынуждая Карабая постоянно перекочевывать с одного места на другое. Утрата подобного изобильного торжества кочевой жизни никогда не исчезала из памяти потомков. И гибель Кулагера, хоть и сменилась эпоха, так и осталась неизбывным горем для казаха.

Благородная степь, которая служила благодатным пастбищем для лошадей, под надуманным наименованием оседлости «поднятая целина» была безжалостно многократно изрезана на бесчисленные полоски. В ту ужасную пору бедная Степь взревела протяжно «сивой кобылицей» поэта Кеншилика Мырзабекова. Но если её горести и страдания не слышит сын Великой степи, то чужой даже не шелохнется, если, скажем, она погибнет на его глазах.

Кюй, что льется из-под пары струн домбры, является естественным напевом Степи – вековой народной мелодией; летящий степью конь – его близнец. Поэма «Кулагер» Ильяса Жансугурова и повесть «Кюй» Абиша Кекилбаева – созвучные произведения. Казахский писатель, заботясь о том, чтобы новые поколения не оторвались от могущественного влияния кюя, впервые ввел в большую литературу понятие «манкурт» – человек, не помнящий родства.

Существует ли на свете другой такой народ, который так благоволит к лошади и так благоговеет перед ней, как казах? Бесспорный факт, что и другие народы любят лошадей. Но нет у них подобного обряда и обычая, народного поверья – оплакивания погибшего коня, ставшего поэмой-реквиемом, посвященным Кулагеру.

У великана Рустема в «Шахнаме» Фирдоуси был аргамак Рахш, который с легкостью поднимал его тяжеловесное седло. Рахш означает «светлый»,

«сверкающий». Этим словом определена миссия Рустема, выраженная ино-сказанием: «Кто родит сына, тому светит солнце», несущим в себе смысл рождения защитника Родины. Известно, что пророк Мухаммед совершил миграж туни (ночное путешествие в Иерусалим и вознесение на небеса) на коне Пыраке (аль-Бураке). Этот конь тоже сверкающее создание, имеющее крылья не на спине, а на ногах. Аргамак Шевдиз Низами – чисто мифическое животное, весь черный, как ночная тьма.

В эпосах нартов, армян, в древнем эпическом сказании киргизов «Манас» конь батыра являлся на свет в один день с хозяином. В индийской мифологии есть понятие «Кони Солнца», которые принадлежат богу Солнца Митре. Подобное – в большинстве мифов о Солнце.

Крылатым конем является не только Пегас, а также конь Коруглы – Гыр ата. В нартском эпосе конь по имени Араш скачет-летает не только на земле, но и под землей. В некоторых мифах конь трехногий (осетинский миф), шестиногий (казахский миф), скандинавский конь Слейпнир восьминогий. Он похож на фантастического зверя Единорога. В греческих мифах кони сотворены от ветра, как Арейон – конь Геракла. Ужасно, что кони Диомеда кровавадные, должно быть, их хозяин является таковым.

Иисус Христос въехал в пасхальный день в Иерусалим на молоденьком осле, символизируя свою мирную миссию. Человечество первым приучило кроткого осла, а потом уж дикого, необузданного коня, ставшего незаменимым в битвах. В Древнем Египте, Месопотамии на коне восседали лишь цари и полководцы. В Библии египтяне во время голода меняют лошадей на хлеб.

В китайской мифологии почти отсутствует образ коня, только в поэзии упоминается восемь скакунов. В фольклоре тюркских народов Камбар ата, его дух покровительствует табунам лошадей. Подобный образ есть у латышей: Усиныш. Жизнь героических кентавров Хирона и Фола полна приключений, но их ожидает печальный конец.

Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Лесков в русской классической литературе прекрасно и убедительно поддержали своим пером культ коня. Гоголевская тройка в «Мертвых душах» поэтично олицетворяет Русь, которая летит, как птица, в будущее. Лев Толстой, терзаясь душой, описывает судьбу исхудавшего, постаревшего коня Холстомера, преданно служившего своим хозяевам, а закончившего свои дни подобно тулаку – высохшей шкуре...

Потому неудивительно, что лошадь – самая бесценная из четырех избранных видов скота на подворье казаха. Акын Мухит так обнародовал свое нищенское существование:

*Скота у Мухита – одна лишь корова,
Нынче, с теленком, их стало двое.
(«Айдай»)*

Этим он в стихах заявляет о своей безлошадности. Лошадь для казаха – знак достатка. Изменение жизненного пространства к оседлости нашло отражение в фольклоре, в пословицах и поговорках, одна из которых гласит: «Нет тулпара без изъяна», означая, что и сам человек несовершенен, всегда чем-то обделен в жизни. Но и в восприятии самой жизни у людей двоякий подход. Одни говорят: «Жить – много дорогого терять». Другие: «Жить – найти своё драгоценное», подразумевая, что никогда не надо терять надежды, и у безлошадного человека может появиться красавец скакун.

Думается, народ доволен своим оседлым бытованием. Жайляу давно превратился в экзотику, доступную далеко не каждому. Однако при упоминании лошади радостно вздрогнет душа казаха, а из уст писателя закапают мёд. Тому свидетельство – дышащий духовно-нравственной мощью рассказ Кадырбека

Сегизбаева «Күн еңкейгенде» («На закате солнца»), один из вариантов пронизанной горечью обездоленности, символом которой стала потеря Кулагера.

Повесть Жумабая Шаштайулы «Старик и лошадь» обращена к той же жизненной трагедии, в которой всё ещё слышны причитания наших предков. Лишение лошади несет за собой потерю своих нравственных основ, манкуртизм, – вот какими мыслями терзается писатель. Его сердце обливается кровью при виде растерзанной казахской степи, его волнует судьба бескрайней страны Казахстана: «Навсегда ушла минувшая эпоха». Персонаж Жумабая не находит места от горечи, став свидетелем продажи стригунка, который уже видится будущим завидным конем. Он обливается слезами от сознания того, что лошадь превратилась в товар, в средство добывания денег.

В свое время из-под пера Габита Мусрепова, ювелирных слов мастера, родился актуальный сатирический рассказ «Талпақ танау» («Тупоносый») – прекрасный труд, в котором тяготы и невзгоды изменившегося времени переданы с убедительным сарказмом.

Наступление урбанизации не остановить. Пусть крепнет и развивается, пусть расцветает во всей красе. Однако казахи обязаны сохранить из своего патриархального бытования одно важнейшее звено национальной идентичности. На этом акцентируют внимание современные писатели, обращаясь к вековой тайне утраты, насильственной гибели Кулагера. По сверкавшему как звезда, вольному как ветер, свободному духу народа ударила беспощадная секира и разорвала его на кусочки. Не здесь ли скрыта трагедия молодого поколения в литературе, которое пишет на родном языке, но, измученное бездуховностью, выглядит нищенски исхудавшим? Разве на нашей шее не висит хомут невежества, заставивший признать тулпаром жабь – одну из простых казахских пород лошадей, что равносильно тому, чтобы назвать сороку – соколом?!

Если не обратить внимание на собственного сына,

То откуда и где народ отыщет гениального? –

неужели мы забудем слова Ильяса, равнодушного к народным бедам великого поэта? Досточтимые сыны Алаша, должно быть, с горечью осознали, что последующее маргинальное поколение приспособленчески назовет автомобиль «железным тулпаром».

В «Кулагере» Ильяса видится мистическая, нерасторжимая связь между поэтом и его персонажем. Кулагер становится незримыми крыльями души для интеллектуальных, патриотически настроенных сыновей казахов. Поэтическое оплакивание поэтом погибшего скакуна, его безутешное горе – это траур строптивного сердца, презирающего уготованный ему судьбой скользкий аркан.

Магжан любит и тоскует по Ахану-серэ и благодати ушедших времен. Ильяс же, признавая в Ахане гордую, незаурядную личность, объявил траур не по нему, а по его аргамаку. Владелец коня обратил Кулагера в песню, Ильяс превратил его в многозначный торжествующий символ.

И судьба поэта круто изменилась после написания поэмы «Кулагер». Кто знает, не тоскуй поэт так сильно, оплакивая скакуна, может, и сам бы остался в живых? Поэма «Кулагер» в своей великой духовной скорби равнозначна приговору самому себе. Поэту не оставалось ничего другого, как покорно склонить голову перед могуществом Слова. Душа его устремляется вслед за поэмой в иные сферы. Приговор вынесен, и сам он превращается в бессмертный идеал, в призыв к отмщению убивающей поэтов зависти, в пылающий в глухой ночи факел.

Перевод с казахского Любви ШАШКОВОЙ.